
УДК 316.2; 316.48

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.02

ДОЛГОВ А.Ю.* «СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»: ОБЗОР СПЕЦВЫПУСКА *JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY*

Аннотация. В статье представлен обзор специального выпуска *Journal of Classical Sociology* (2024, № 4), посвященного влиянию Первой мировой войны на жизненные траектории и интеллектуальное наследие классиков социологии. Показано, как Георг Зиммель, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Вернер Зомбарт, Фердинанд Тённис, Уильям Э.Б. Дьюбуа, Джордж Герберт Мид, Торстейн Веблен, Роберт Парк, Марсель Мосс, Альфред Шюц и Антонио Грамши пережили и осмыслили этот международный конфликт. Отмечается, что война стала вызовом и проверкой для их теорий, поскольку им пришлось пересмотреть некоторые ключевые моменты своих исследований.

Ключевые слова: Первая мировая война; классическая социология; социальная теория; интеллектуальная история; конфликт; национализм; послевоенный порядок.

Для цитирования: Долгов А.Ю. «Социальные теоретики и Первая мировая война»: обзор спецвыпуска *Journal of Classical Sociology* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 13–53. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.02

Статья поступила: 05.08.2025.

Принята к публикации: 15.08.2025.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

DOLGOV A.Yu.** “Social theorists and the First World War”: a review of the special issue of the Journal of Classical Sociology.

Abstract. The paper provides an overview of a special issue of the Journal of Classical Sociology (2024, N 4) devoted to the impact of World War I on the life trajectories and intellectual legacy of the classics of sociology. It shows how Georg Simmel, Émile Durkheim, Max Weber, Werner Sombart, Ferdinand Tönnies, W.E.B. Du Bois, George Herbert Mead, Thorstein Veblen, Robert Park, Marcel Mauss, Alfred Schütz, and Antonio Gramsci experienced and interpreted this international conflict. It is noted that the war became a challenge and a test for their theories, as they had to revise some key points of their research.

Keywords: World War I; classical sociology; social theory; intellectual history; conflict; nationalism; postwar order.

For citation: Dolgov A.Yu. “Social theorists and the First World War”: a review of the special issue of the Journal of Classical Sociology. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 13–53. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.02

Received: 05.08.2025.

Accepted: 15.08.2025.

Введение

В 2024 г. исполнилось 110 лет с начала Первой мировой войны (1914–1918) – глобального конфликта, потрясшего прежний социальный порядок. Хотя до сих пор эту войну часто называют «забытой» (особенно в России), нельзя сказать, что прошедшая годовщина осталась незамеченной научным сообществом. За последние годы постоянно появляется множество новых социально-гуманитарных исследований, посвященных Первой мировой войне, и, как нетрудно догадаться, ведущую роль в этом играют исто-

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics”; dolgovalexandr@yandex.ru

рики. Но вклад в изучение Первой мировой войны вносят и социологи.

Поскольку эта война по времени совпала с периодом активного развития социологии, и еще были живы ее «отцы-основатели», важно продолжать обращаться к научному наследию социальных теоретиков как к полезному и актуальному ресурсу осмысления проблем войны и мира, конфликта и социального порядка. Однако этот период часто остается второстепенным или вовсе «выпадает» из интеллектуального наследия и биографий социологов начала XX в., хотя та война была чем-то вроде вызова и проверки для их теоретических исследований.

Заметный вклад социологов в изучение Первой мировой войны – подготовка спецвыпуска *Journal of Classical Sociology* (2024, № 4), посвященного теме «Социальные теоретики и Первая мировая война»¹. Его приглашенные редакторы-составители – Бабаки Амини (Университет Британской Колумбии, Канада; Университет Западной Шотландии, Великобритания) и Томас Кемпл (Университет Британской Колумбии, Канада). Открывая выпуск, в своей вводной статье они поясняют, что в публикуемых текстах рассматривается то, как некоторые выдающиеся социальные теоретики из континентальной Европы и США были лично затронуты и политически вовлечены в ход Первой мировой войны, и какое воздействие она оказала на их теории [Amini, Kemple, 2024, p. 309]. Авторы предлагают перепрочтение текстов классиков социологии сквозь призму переосмысления ими войны и тех процессов, которые она запустила.

Амини и Кемпл подчеркивают, что Первая мировая война не оставила социальным теоретикам возможность занимать нейтральные позиции. Она стала не только поворотным событием в их жизни (например, некоторые из них лично принимали участие в боевых действиях, кто-то занимал посты в государственных учреждениях или общественных организациях, а кто-то терял на фронте родственников и друзей), но и повлияла на социальные науки в целом [ibid., p. 308].

Хотя многие социальные теоретики, биографии и работы которых рассматриваются в номере, в той или иной степени поддерживали войну, они отвергали экспансионистскую политику [ibid., 2024, p. 311], а их позиции не сводились к простым дихотомиям

¹ См: *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 1. – URL: <https://journals.sagepub.com/toc/jcsa/24/4> (accessed: 01.08.2025).

«за войну – пацифизм» или «патриотизм – космополитизм». Амини и Кемпл отмечают, что война поставила перед учеными того периода «вопросы о геополитике международных военных действий и мира; о роли современного государства и его бюрократических институтов; о природе гражданского общества и этнических сообществ; о потенциале политической экономии и культурной мобилизации; и о перспективах эмансипации в рамках колониального капитализма и расового империализма» [Amini, Kemple, 2024, p. 309]. Некоторые их идеи впоследствии стали востребованы в период послевоенного восстановления. В целом Первая мировая война стала переломным событием, которое перестроило глобальную динамику, что стало вызовом для социальной науки, обращенной на изучение перехода от «традиционных» к «современным» обществам и влияния промышленности и военного дела на повседневную жизнь. Таким образом, если обобщить, то в статьях спецвыпуска представлено экстерналистское объяснение развития социологического знания, при котором акцент делается на внешних факторах, повлиявших на специфику теоретических и эмпирических исследований того времени.

Георг Зиммель (1858–1917) о войне, смерти и будущем Европы

Спецвыпуск открывается статьей Остина Харрингтона (Лидский университет, Великобритания) о Георге Зиммеле. Харрингтон акцентирует внимание на том, как трансформировались взгляды Зиммеля на Первую мировую войну: от воинствующего пыла и комплекса немецких обид на западноевропейские державы до поиска новых принципов построения коллективной идентичности европейцев [Harrington, 2024].

Весной 1914 г. Зиммель переехал из Берлина в Страсбург, чтобы занять профессорскую должность в местном университете. Соответственно, он стал жить в Эльзасе – пограничной территории, отвоеванной у Франции немцами под предводительством Отто фон Бисмарка в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Проживая там, как отмечает Харрингтон, Зиммель «мог непосредственно наблюдать тупиковую ситуацию конфликта, который он и другие стали все больше рассматривать как европейскую гражданскую войну апокалиптических масштабов» [Harrington, 2024, p. 317]. Общим фоном такого восприятия была преобладающая в то время немецкая риторика войны за национальный «Дух» (*Geist*) и «Культуру» (*Kultur*) против декадентской, эгоистичной «цивили-

зации» (*Zivilisation*) Франции, Великобритании и США [Harrington, 2024, p. 316].

В начале войны Зиммель поддержал всеобщую мобилизацию, связывая происходившие события с идеей войны за немецкую национальную Культуру. Он писал, что «конфликт создал “абсолютную ситуацию”, возвышенный час расплаты, который объединил прошлое, настоящее и будущее в бескомпромиссном опыте историчности», и что война должна вестись «не только за немецкую мощь и экономику», но прежде всего за «бытие или небытие немецкого Духа» [цит. по: Harrington, 2024, p. 318].

Харрингтон считает, что постепенно Зиммель перешел к менее резким высказываниям, и это свидетельствует о его повороте в сторону более умеренной позиции [ibid.]. С весны 1915 г. Зиммель стал подчеркивать принадлежность немцев к широкому европейскому сообществу и предостерегать соотечественников от впадения в «шовинизм и националистическую ограниченность» [цит. по: ibid.]. Немецкий характер, таким образом, уже не противопоставлялся «европейскости», которая признавалась его сущностной составляющей.

В сборнике эссе 1917 г. «Война и духовные решения»¹ Зиммель представил свои основные размышления о войне и Европе. Он писал об оформившейся «идее Европы», призывая враждующие нации превзойти себя через более возвышенный союз. Суть этой «идеи» состоит в том, что европейские нации могли бы реализоваться, не отказавшись от своих традиций и переоткрыв себя через что-то большее, чем их собственные отдельные особенности [Harrington, 2024, p. 318]. К сожалению, констатировал Зиммель, война свела «идею Европы» к гнусной реальности ненависти [ibid.].

Беспокойство Зиммеля вызвали новости о поставках боеприпасов из США в Великобританию, о чем он написал в берлинской прессе в мае 1915 г. По мысли Зиммеля, США, несмотря на декларируемый нейтралитет², становились бенефициарами европейской войны всех против всех, поскольку, оставаясь за кулисами, они ждали удобного момента, когда можно будет перехватить у Европы «корону цивилизации» [Harrington, 2024, p. 319]. Разви-

¹ *Simmel G. Der Krieg und die geistigen Entscheidungen: Reden und Aufsätze.* – München; Leipzig: Duncker & Humblot, 1917. – 72 S.

² Официально США вступили в войну 6 апреля 1917 г., до этого момента страна формально сохраняла нейтралитет.

вая свои рассуждения о будущем отношений Европы с Америкой и со всем миром, Зиммель писал, что возможно «настанет время, когда Европа будет для Америки тем же, чем стали Афины для поздних римлян: пунктом назначения для молодежи, путешествующей в поисках культуры, местом, полным впечатляющих руин и прекрасных воспоминаний, источником подпитки для художников, ученых и неумолкающих литераторов» [цит. по: Harrington, 2024, p. 319].

Харрингтон отмечает, что Зиммель был одним из тех мыслителей, кто проницательно почувствовал приближение нового социального порядка, в рамках которого будут вестись битвы за структурное доминирование в мировой политике и культуре будущего [ibid., p. 320]. Первая мировая война подтвердила существование эпохального соперничества различных конкурирующих представлений о современности, каждое из которых имело равные шансы на победу – будь то капиталистическая либеральная демократия, реформистский социализм и социал-демократия, советский коммунизм, авторитарный консерватизм или фашизм в его ранних проявлениях в Италии [ibid.].

При этом, подчеркивает Харрингтон, Зиммель оставался космополитическим мыслителем, который писал «о взаимности или взаимодействии (*Wechselwirkung*) между акторами и идентичностями в мировой истории, о постоянно пересекающихся и размыывающихся границах, о пересекающихся социальных кругах, о “мостах и дверях”, о деньгах и денежных аналогах как связующих нитях коммуникации между множественными пространственно-временными положениями, о конститутивной фигуре “чужака” для любого возможного сообщества и <...> о метрополисе как “средоточии космополитизма”» [ibid., p. 321]. Такой космополитизм, отмечает Харрингтон, хоть и опирается на универсализирующие этические ценности, направленные против любой аутгрупповой стигматизации, предполагает четкое отделение от любой «меркантильной культуры глобальной туристической мобильности или этоса мировой торговли, или притворного морального благочестия международных элит» [Harrington, 2024, p. 321–322]. Европа для Зиммеля была примером космополитической универсалии, символом потенциального космополитического сообщества наций, в котором существование в рамках целостности не препятствует сохранению специфических национальных отличий.

Важными направлениями исследований, взаимосвязанными с войной, в творчестве Зиммеля становятся также темы смерти,

смертности и конечности разума [Harrington, 2024, p. 322]. Зиммель размышлял о том, что «чем более индивидуально существо, тем более абсолютна его смерть; и наоборот, чем более унифицировано и заменяемо существо – т.е. чем больше оно приближается к воспроизводимому типу, роли или функции существования – тем менее абсолютна смерть в ее значении для жизни» [ibid., p. 323]. По Зиммелю, типы, формы, функции субъектов как таковые не умирают; умирают лишь индивиды. Таким образом, смертность / конечность существования создает уникальность индивидуальной жизни. Война же, сводящая жизнь людей к расходуемому пушечному мясу, т.е. к заменяемым и воспроизводимым типам, уводит от понимания индивидуальности жизни перед смертью. Согласно Зиммелю, это в целом характерно для технаучной цивилизации с ее стремлением к типизации и индустриально-бюрократической организации [ibid., p. 323].

Мысль о «трагедии культуры», при которой субъективная индивидуальность жизненного опыта «затирается» обезличенной объективной культурой, сближает Зиммеля с такими представителями Франкфуртской школы, как Хоркхаймер, Адорно и Бенямин. Война усилила эту трагедию, переведя ее на уровень коллективных формирований. Она поставила перед Зиммелем важный вопрос о том, как национальные государства способны сохранить автономию и уникальность, войдя при этом в сообщество более высокого уровня. Надежда, заключает Харрингтон, оставалась на создание общеевропейского дома этической принадлежности, в который не только «механически» входили национальные государства, но который также подкреплял их чувство общности друг с другом как членов общего исторического наследия [Harrington, 2024, p. 325].

Эмиль Дюркгейм (1858–1917) о войне «цивилизации» против «варварства» и послевоенном устройстве Франции

Жан-Кристоф Марсель (Университет Бургундии, Франция) и Томас Кемпл исследуют сотрудничество Эмиля Дюркгейма с другими французскими интеллектуалами во время Первой мировой войны. Авторы рассматривают это сотрудничество, с одной стороны, как продолжение его социологических идей о социальной солидарности, социологии как науке, социализме, современном государстве и моральных основах цивилизации, с другой – как вызов им [Marcel, Kemple, 2024].

Основное напряжение вокруг темы «Дюркгейм и Первая мировая война» связано с тем, что французский социолог старался держаться в стороне от политических дебатов и каких-либо форм активизма. Тем не менее 2 раза он нарушил свое молчание. Первый случай – дело Дрейфуса¹, когда он стал защищать сторону «дрейфусаров». Второй раз он сделал это во время Первой мировой войны, когда вместе со многими известными французскими учеными того периода вступил в Священный союз (*Union Sacrée*)² для противостояния немецкой пропаганде. Дюркгейм также входил в состав других комитетов и комиссий со схожими задачами (например, он был членом Комитета по изучению и документированию войны). Французских интеллектуалов, включая бывших оппонентов, во время войны объединило и мотивировало убеждение в том, что им предстояло защитить «моральное государство» от «варварского» [Marcel, Kemple, 2024, p. 331]. Нельзя не упомянуть и про сильную личную вовлеченность и трагедию Дюркгейма – на фронте погибли его сын Андре и коллега Роберт Герц.

Как отмечают Марсель и Кемпл, в пропагандистских текстах Дюркгейма, которые он писал в поддержку французских военных, он искал социологическое обоснование тому, что «моральная цивилизованная Франция» борется против «возвращения к варварству», осуществляемого милитаристской и аморальной Германией [ibid., p. 332]. Авторы статьи полагают, что хотя труды военного времени³ были написаны и опубликованы Дюркгеймом в качестве

¹ Альфред Дрейфус (1859–1935) в 1894 г. был обвинен в шпионаже в пользу Германии и в государственной измене. Несмотря на его невиновность (позже, через восемь лет, он был оправдан), военный трибунал приговорил его к пожизненному заключению. «Дело Дрейфуса» разделило Францию на лагерь «дрейфусаров», который состоял из республиканцев, радикальных левых, социалистических левых, антимилитаристских интеллектуалов, пацифистов и масонов; и лагерь «антидрейфусаров», в который вошли некоторые традиционалистские католики и антисемиты, а также те, кто ностальгировал по монархии и ставил честь армии превыше всего.

² Священный союз подразумевал заключение политического перемирия во Французской Третьей республике, руководствуясь которым, социалистическое движение и другие примкнувшие к ним силы во время Первой мировой войны согласились не выступать против правительства.

³ К ним в первую очередь относятся: брошюра «Германия превыше всего: немецкий менталитет и война» (*L'Allemagne au-dessus de tout: la mentalité allemande et la guerre*) – опубликована на французском и английском языках в 1915 г.; брошюра «Кто хотел войны?» (*Qui a voulu la guerre?*) – также опубликована на

казанной пропаганды, они тем не менее открыли перед ним возможность проверить, уточнить и в некоторых случаях пересмотреть социологические аргументы, над которыми он работал на протяжении всей своей карьеры [Marcel, Kemple, 2024, p. 332].

Объяснение особенностей немецкого и французского «менталитетов» соотносится с дюркгеймовским описанием эволюции обществ и различием механической и органической солидарности. Согласно Дюркгейму, позиция Германии противоречит постоянному прогрессу Разума, которому сопутствовали изменения в способах демократического управления и организации государства [Marcel, Kemple, 2024, p. 333]. Хотя немцы были частью «великой семьи цивилизованных народов», они стали «агрессивными и беспринципными варварскими существами» [цит. по: *ibid.*]. Дюркгейм называет «ментальность», лежащую в основе поведения немецких агрессоров и военных преступников, «коллективным заболеванием», которое какое-то время как бы не выходило на поверхность. Немецкая «ментальная и моральная система» уходит своими корнями в специфику исторического и политического развития Германии, где лидер государства стоит выше международного права, морали и гражданского общества, действуя и обязывая свой народ подчиняться его руководству через преданность и самопожертвование [*ibid.*]. Войну он также объявляет и ведет по своему усмотрению.

Возникший в Германии социальный порядок имеет схожие черты с обществами с механической солидарностью – это так называемые примитивные общества, в которых социальные связи крепки, поскольку коллективное сознание фактически стирает индивидуальности [Marcel, Kemple, 2024, p. 334]. В обществах с механической солидарностью единство людей обязательно воплощено в вожде, который является эманацией этого коллективного сознания. Власть, которой он наделен, таким образом, осуществляется силой, которой индивиды покорно подчиняются, не подвергая сомнению ее легитимность [*ibid.*]. Индивиды в таких обществах сильно привязаны группе, они полностью зависят от нее, а любое отклонение от норм вызывает сильную тревогу быть наказанным. Возникает сильная эмоциональная нестабильность, из-за которой индивиды быстро переходят из состояния крайней радости в состояние сильной грусти. Такая психическая нестабиль-

французском и английском языках в 1915 г.; статья «Политика завтрашнего дня» (*La politique de demain*) – написано в 1916 г., опубликована в 1917 г.

ность и культурный дискомфорт остались частью ментального состояния Германии и проявились во время войны, как предположил Дюркгейм, несмотря на то что эта страна является одной из самых развитых стран мира [Marcel, Kemple, 2024, p. 334].

Франция же, согласно Дюркгейму, воплощает одну из самых совершенных форм «цивилизованного общества», идеал свободы и равенства [ibid., p. 335]. Вместо немецкого «религиозного» типа власти, основанного на мистическом престиже безоговорочно признаваемого всеми божественного права, Франция заменяет его «моральным» типом, который предопределяется рациональным сознанием и «техническим» типом, основанным на доказанной компетентности (поэтому для Дюркгейма социология вполне закономерно возникла именно во Франции) [ibid.]. На войне это проявляется в том, что французские солдаты свободно и сознательно готовы отдать свою жизнь за родину, они высоко мотивированы пожертвовать собой, а немецкие солдаты вынуждены подчиняться своим офицерам из страха, они менее мотивированы [ibid., p. 336].

Кроме обоснования «патологического» состояния немецкой «ментальности» Дюркгейм также проанализировал дипломатическую документацию для доказательства виновности Германии в развязывании войны. В его работе «Кто хотел войны?»¹ (в соавторстве с Эрнестом Дени, 1915 г.) были тщательно изучены русские, французские, бельгийские, немецкие и британские документы, подробно описывающие ультиматумы, попытки примирения и мирные предложения до объявления Германией войны России и Франции [Marcel, Kemple, 2024, p. 335]. Здесь Дюркгейм концентрируется не на обезличенных силах или общих закономерностях, как это было в его предыдущих работах, а на определенных действиях и решениях конкретных политических деятелей (канцлера, царя и короля, их генералов, министров и дипломатов). Таким образом, национальные государства рассматривались Дюркгеймом и Дени как комбинация и следствие индивидуальных волей, из которых они состоят, а история была представлена в терминах последовательностей событий, обусловленных конкретными решениями [Marcel, Kemple, 2024, p. 336].

Еще один важный сюжет, который рассматривается в статье Марселя и Кемпла – размышления Дюркгейма о послевоенном

¹ Durkheim É., Denis E. Qui a Voulu La Guerre? – Paris: Armand Colin, 1915. – 67 p.

устройстве Франции. Дюркгейм попытался представить, каким образом после окончания войны Франция могла бы обратиться к своим основополагающим принципам свободы и равенства, поскольку для него величие нации определяется уровнем ее морального совершенства, а не только материальными условиями. Как отмечают Марсель и Кемпл, опыт войны заставил Дюркгейма сфокусироваться на значении государства в грядущих процессах, поскольку перед страной стояла проблема не столько в увеличении богатства, сколько в организации современной экономики таким образом, чтобы блага распределялись более справедливо в соответствии с принципами сен-симонистского социализма [Marcel, Kemple, 2024, p. 340]. Дюркгейм писал о том, что государство стало играть все более активную роль в экономике, национализируя промышленные предприятия, и война лишь усилила эту тенденцию. Война также показала, что индивиды могут подчинять свои интересы интересам общества и жертвовать собой ради других [ibid.]. Таким образом, проявляется одна из базовых установок социологии Дюркгейма, согласно которой нужна особая моральная сила, способная сдерживать индивидуальные эгоистичные направленности и доминировать над ними. Эта сила, подчеркивают авторы статьи, следуя за ходом мысли Дюркгейма, суть само общество, воплощенное в государстве, которое является его наиболее сознательным и рефлексивным органом [ibid., p. 341]. В целом, заключают Марсель и Кемпл, Дюркгейм не просто нашел подтверждение и обоснование своих социологических аргументов благодаря личному опыту наблюдений за войной, но переосмыслил и переформулировал многие из этих аргументов в свете этого опыта [Marcel, Kemple, 2024, p. 340].

**Макс Вебер (1864–1920): гражданин, политик,
публичный интеллектual и ученый во время войны**

Хиннерк Брунс (Центр исторических исследований, Франция) начинает свою статью с замечания о том, что в вебериане последних десятилетий тема Первой мировой войны обычно сводилась к «национализму Вебера» (а также к «силовой политике» и «империализму»), и никто из его биографов так и не раскрыл ни связь между войной и наукой, ни вопрос о влиянии войны на социальную науку Вебера [Bruhns, 2024, p. 348]. Как заявляет автор, его статья посвящена не просто социологу Веберу во время войны, а одновременно социальному ученому, интеллектualу и гражда-

нину Веберу, поскольку в военный период все эти роли непродуктивно рассматривать отдельно друг от друга [Bruhns, 2024, p. 348].

Известно, что на протяжении 17 месяцев с начала Первой мировой войны, с августа 1914 по декабрь 1915 г., Вебер не делал никаких публичных заявлений о ней в отличие от большинства других немецких интеллектуалов. С 1916 г. он периодически стал делать публичные заявления, но не против внешних врагов, а против внутренних противников. В тот период двумя главными темами для него были «мир» и «нация» [Bruhns, 2024, p. 348–349]. В отличие от Дюркгейма, отмечает Брунс, Вебер при этом никогда не подкреплял свою позицию в политических дебатах опорой на авторитет науки [ibid., p. 349]. Иными словами, Вебер никогда не смешивал свои роли ученого и политика, он четко разделял их.

Участие в войне Вебера как гражданина началось с того, что он в августе 1914 г. в возрасте 50 лет как офицер запаса пошел добровольцем на военную службу, желая попасть на фронт. Он был признан физически негодным к военной службе, но получил назначение создать и управлять резервными военными госпиталями в Гейдельберге [Bruhns, 2024, p. 350]. Там он с полной управленческой отдачей отработал до октября 1915 г. Далее он стал искать позицию, на которой можно было бы задействовать его профессиональные знания экономиста. Осенью 1915 г. он безуспешно подавал заявки на подобные должности в немецкой оккупационной администрации в Брюсселе и Варшаве. В последующем ему было поручено подготовить исследование экономической и финансовой ситуации в Царстве Польском и экономического положения всего польскоязычного региона [ibid., p. 351]. Таким образом, Вебер стал вести работу, нацеленную на конкретный практический результат. Брунс полагает, что его мотивацией для вступления в армию был не националистический «военный энтузиазм», а чувство гражданской ответственности и необходимость «быть там» [ibid.].

Публичное участие Вебера как интеллектуала и ученого в осмыслении Первой мировой войны началось 25 декабря 1915 г., когда он опубликовал статью в газете *Frankfurter Zeitung* под названием «Внешняя политика Бисмарка и настоящее»¹ [Bruhns, 2024, p. 349]. Это была историко-политологическая работа о том, как внешняя политика, основанная на принципах Бисмарка, могла

¹ См.: Weber M. Zur Politik im Weltkrieg: Schriften und Reden 1914–1918 / Hrsg. W.J. Mommsen. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. – S. 71–92.

бы не привести к войне или ограничить ее. В этой статье Вебер также однозначно выступил против военной политики правительства Германской империи и стремления правых националистов к аннексиям [Bruhns, 2024, p. 349]. 1 августа 1916 г. Вебер произнес свою первую публичную речь с начала войны под названием «На пороге третьего года войны». Оба эти выступления были раскритикованы его оппонентами как неподдержка немецкой военной политики и как мирная речь в условиях активных действий на фронте. В целом с лета 1916 г. Вебер вел активную журналистскую деятельность, освещая такие темы, как «внешнеполитическая ситуация», «ведение войны и внутривнутриполитические события». Он концентрируется на политической и социальной реорганизации после войны, будущем нации и ее внутренней консолидации как предпосылках для равноправной интеграции Германии в европейскую систему государств [ibid., p. 350]. Эта деятельность в итоге привела к тому, что Вебер принял непосредственное участие в разработке конституции будущей Веймарской республики.

Постепенно стала возобновляться научная работа Вебера, которую он, по сути, оставил после начала войны. Брунс указывает, что важнейшими его проектами до войны были: «Очерк социальной экономики» (*Grundriß der Sozialökonomik*) и, как часть этого, «Хозяйство и общество» (*Wirtschaft und Gesellschaft*); обсуждение ценностных суждений; экономическая этика мировых религий [ibid., p. 352]. Все эти проекты, считает Брунс, были дополнены под влиянием войны. Так, Брунс предполагает, что без войны и Русской революции темы военной и плановой экономики не стали бы центральными в работах Вебера 1919/1920 гг. В целом же война не повлияла на методологию социальных наук Вебера, но, например, тот же принцип свободы от ценностей приобрел для него еще большую актуальность из-за публичных дискуссий по экономическим и политическим вопросам, которые часто велись некоторыми ангажированными учеными, использующими авторитет науки в политических дебатах [ibid., p. 353].

Одной из центральных тем военных сочинений Вебера является «нация». Хотя общая теоретическая рамка понимания нации была разработана Вебером до войны, военное время предоставило возможность проверить и реконструировать некоторые ее элементы. В довоенной рукописи «Хозяйства и общества» Вебер определил нацию как сообщество судьбы, сообщество памяти [ibid., p. 355]: «Общие политические судьбы, т.е. в первую очередь политические сражения не на жизнь, а на смерть, порождают общность

памяти, которая порой спаивает сильнее, чем узы общей культуры, языка или происхождения»¹.

Вебер был убежден, что немецкое национальное государство Бисмарка и его преемников было неправильной конструкцией, и что консолидация Германской империи как европейской державы не могла быть достигнута только посредством внешней политики или успешной войны. Он считал, что Германия должна развиваться в том же направлении, что и ее западные соседи. Поэтому его так волновала проблема будущей социальной и политической конституции, с помощью которой можно было бы завершить формирование нации. Брунс отмечает, что для реорганизации нации в послевоенной Германии Вебер, в частности, предлагал сфокусироваться «на политическом равенстве, отмене трехклассного избирательного права в Пруссии, массовой демократизации, повышении роли парламента, сокращении прусского влияния в империи, отмене двойной функции рейхсканцлера и премьер-министра Пруссии, а также прусских привилегий в Бундесрате» [Bruhns, 2024, p. 356]. При этом, чтобы быть жизнеспособным в европейской системе государств, национальное государство также должно было быть силовым государством [ibid., p. 357], что никак не исключает его функционирования в рамках более широкого экономического и политического союза европейских государств. Будущей социальной основой немецкого государства, по Веберу, могли бы стать «страта техников и другие страты, которые были вытеснены в свободную конкуренцию в качестве наемных работников крупных частных компаний», а также солдаты, возвращающиеся с войны, которые будут участвовать в восстановлении нации как активные граждане с равными избирательными правами [ibid., p. 356].

Брунс заключает, что для Вебера война – это своего рода естественное событие в истории государств, форма неизбежной «вечной борьбы наций», порождаемой самой структурой общества [Bruhns, 2024, p. 358]. Первая мировая война означала для него прежде всего триумфальное продвижение определенной «формы жизни», а именно «рациональной, бюрократической организации <...> всех человеческих объединений, основанных на власти, от фабрики до армии и государства по всему миру» [цит. по: ibid.]. Наблюдения 1918–1919 гг. за крахом легитимной власти, разрушением войной традиционных связей, распространением правонару-

¹ Перевод взят из книги: Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2017. – Т. 3. – С. 273.

шающего поведения и многим другим затем были включены в социологию Вебера [Bruhns, 2024, p. 358].

Вернер Зомбарт (1863–1941) о «героической» войне немцев против «торгашества»

Статью о Вернере Зомбарте для спецвыпуска подготовил Фридрих Ленгер (Гисенский университет, Германия) [Lenger, 2024]. К 1914 г. Зомбарт был известен и признан во всем мире как историк современного капитализма и активный деятель социалистического рабочего движения, но, когда началась Первая мировая война, его взгляды радикализировались, в его высказываниях стала преобладать шовинистическая риторика, а его анализ капитализма свелся к культурной критике современного мира. Из-за этого ученый оказался в академической изоляции, и Ленгер в своей статье анализирует, в какой степени Зомбарту удалось или не удалось вернуться к более научной позиции после 1918 г. [ibid.].

До войны Зомбарт был популярным автором и влиятельной фигурой в немецкой социологии. Он вместе с Вебером и другими ведущими учеными редактировал важнейший немецкий журнал по социальным наукам «Архив социальной науки и социальной политики» (*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*) и входил в состав правления Немецкого социологического общества. Отправной точкой его очевидного отдаления от академического мира Ленгер называет работу 1915 г. «Торгаши и герои»¹.

Если в своих ранних работах о капитализме он ввел понятие экономического рационализма как центрального элемента капиталистического духа, формулируя этот аргумент относительно нейтрально, то в последующем он стал определять рационализм с явной ценностной окраской как типичный элемент еврейской жизни и религии. Он характеризовал экономический рационализм как тип холодного интеллектуализма, противостоящий «теплому» (немецкому) разуму [Lenger, 2024, p. 367]. Капитализм, как он теперь стал утверждать, был ответственен за ошибочную иерархию ценностей, которая выстраивалась вокруг количественных показа-

¹ *Sombart W. Händler und Helden: Patriotische Besinnungen.* – Munich: Duncker & Humblot, 1915. – 180 S. Русский перевод см. в книге: *Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота. Евреи и экономика.* – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022. – 653 с.

телей потребления и комфорта вместо идеалистических порывов [Lenger, 2024, p. 367].

На этом фоне радикализация взглядов Зомбарта с началом Первой мировой войны не была удивительной. Ленгер пишет, что поскольку культурный упадок, заставивший Зомбарта отчаяться, был результатом капиталистического развития, глубокий смысл разразившейся войны казался ему очевидным: Германия Зомбарта должна была стать «последним барьером на пути грязевого потока торгашества» [ibid.]. Основным приверженцем торгашества и, соответственно, главным врагом выступала Англия, а немцы как «избранный народ этого века» должны были быть воинами, поскольку это позволит им оставаться героями [ibid., p. 368]. В итоге для Зомбарта, в условиях усиливающегося доминирования обезличенных и бюрократических структур позднего капитализма, только автаркия страны и возвращение к простоте жизни крестьян и ремесленников могли спасти немцев. Эти идеи стали мостиком к его более позднему увлечению фашизмом [ibid., p. 363–364].

Послевоенное творчество Зомбарта, как отмечает Ленгер, характеризуется двумя основными принципами. Первый: капитализм и социализм в равной степени подвержены холодному рационализму, который он презирал. Второй: презрение к массам, которое выразилось в отстаивании авторитарного правления и легло в основу его политической программы [Lenger, 2024, p. 371–372]. Таким образом, Зомбарт продолжил нападать на «еврейско-интернационально-социал-демократическую тенденцию» [цит. по: ibid., p. 370]. Социалистическое движение (включая социалистических мыслителей, в которых он разоблачал буржуазных деклассированных представителей, компенсировавших свои неудачи через политику) тоже было подвергнуто им резкой критике.

Ленгер полагает, что, говоря о влиянии Первой мировой войны на работу ведущих социологов, необходимо подчеркнуть, что в случае с Зомбартом война сыграла роль катализатора, а не причины, поскольку его «поворот» к тем идеям, которые он стал высказывать во время и после войны, уже случился около 1903 г. [Lenger, 2024, p. 372].

Дихотомия «общность – общество» Фердинанда Тённиса (1855–1936) и Первая мировая война

Нил Бонд (Университет Лион 2, Франция; Университет Йоханнесбурга, ЮАР) в своей статье рассматривает, как дихотомия

Фердинанда Тённиса «общность – общество» была использована для понимания и формирования социальной реальности во время и после Первой мировой войны [Bond, 2024]. *Gemeinschaft* (общность), отмечает автор, оказался одним из наиболее важных терминов для мобилизации национализма и военных усилий в Германии, который Тённис противопоставлял (капиталистическому, современному, западному) *Gesellschaft* (обществу) [ibid., p. 376].

Тённис родился в 1855 г. в Ольденсворте, в немецкоязычном герцогстве Шлезвиг, находившемся под управлением Дании, а умер в 1936 г. в Киле, в нацистской Германии. На протяжении жизни он имел амбивалентные отношения с немецким национализмом. В 1864 г. герцогство перешло под протекторат Пруссии и Австрии, а в 1866 г. было включено в состав Германской империи, после чего население было лишено своей автономии. Это, как полагает Бонд, частично объясняет враждебность Тённиса к Пруссии большую часть его жизни, за исключением периода Первой мировой войны, когда он выступил в защиту Германии с довольно шовинистических позиций [Bond, 2024, p. 377]. В 1914 г. немецкое правительство назначило его эмиссаром для продвижения немецких военных инициатив в нейтральных Дании и Швеции. В конце жизни он дистанцировался от немецкого национализма, и за критический настрой нацисты уволили его с гражданской службы и лишили пенсии. Бонд называет Тённиса сентиментально консервативным мыслителем и осторожным реформатором, чье космополитическое мышление было обязано как критической форме либерализма, унаследованной от англоязычной социальной теории, так и радикализму Карла Маркса [ibid., p. 377].

Раннюю немецкую социальную теорию характеризовало внимание к пониманию основ общности как чувства общей принадлежности или преданности индивида целому – в отличие от французской (дюргеймовской), которая больше фокусировалась на разделении функций и обменах. Дихотомия Тённиса и вариации на эту тему стали важным элементом при объяснении специфики наций. Тённис, как отмечает Бонд, не утверждал, что Германия обладает монополией на культуру, но в 1887 году он предположил, что США лишены национального характера, и это привело к представлению о том, что степень общности зависит от национальности [Bond, 2024, p. 376].

Термин *Gemeinschaft* был связан с немецкими романтиками и их стремлением к свободе и единству, в то время как *Gesellschaft* отражал современную тенденцию к индивидуализации и эгоизму.

При этом в иерархии человеческих отношений на вершине находятся отношения, которыми люди обладают от рождения, т.е. отношения в *Gemeinschaft*. Первая мировая война, таким образом, порождала ассоциации с тем, что люди наконец-то отвернутся от эгоистичного индивидуализма, чтобы принять высшие жертвы ради нации [Bond, 2024, p. 378–379]. Так во время Первой мировой войны Тённис нашел союзников среди консерваторов, для которых дихотомия Тённиса была удобным и полезным идеологическим инструментом.

Занимая патриотическую позицию в период работы эмиссаром в Скандинавии, Тённис публиковал работы, в которых он утверждал, что за предыдущие 43 года мира Германия не предпринимала никаких попыток поставить другое государство в зависимость посредством союзов и уступок, и критиковал британскую внешнюю политику и британскую политическую систему как непредставительные для народа [Bond, 2024, p. 379]. Но при этом он выступал против дальнейшего расширения Германской империи через аннексии. Примерно с середины Первой мировой войны до середины 1920-х годов Тённис сконцентрировался на поиске обоснований невиновности Германии в развязывании войны, обвиняя в этом сначала Великобританию, а затем русского царя [ibid., p. 382].

Влияние Первой мировой войны на Тённиса с точки зрения его социальной теории, как заключает Бонд, на первый взгляд было незначительным: послевоенные издания «Общности и общества»¹ были лишь немного пересмотрены. В издании 1922 г. Тённис добавил, что если призывы к установлению общности со ссылками на его работы становились все громче после ужасных потрясений, которые пережила капиталистическая мировая система *Gesellschaft*, новая общность должна основываться на жизнеспособном принципе, таком как принцип автаркических кооперативов, при условии, что они не будут сведены исключительно к коммерческой бизнес-модели [Bond, 2024, p. 379]. Одним из идейных последствий увлечения немецких интеллектуалов дихотомией Тённиса стало то, что они были склонны верить, что жертвенный героизм был характерен только для немецкой *Gemeinschaft*, а меркантильное преследование личной выгоды – для западной *Gesell-*

¹ См. русский перевод: Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с немецкого Д.В. Складнева. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 452 с.

schaft [Bond, 2024, p. 384]. Во многом из этого еще во время Первой мировой войны родилась идеологическая концепция *Volks-gemeinschaft* («народная общность», «народное единство»), которая затем активно использовалась в государственной пропаганде Третьего рейха.

Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа (1868–1963) о расовых аспектах Первой мировой войны

Чэд Уильямс (Университет Брандейса, США) посвятил свою статью тому значительному влиянию, которое Первая мировая война оказала на жизнь, интеллектуальную работу и политическую эволюцию У.Э.Б. Дюбуа – одного из самых известных афроамериканских ученых и активистов своего времени [Williams, 2024]. Война, как отмечает автор, стала одним из важнейших и противоречивых моментов в его долгой жизни [ibid., p. 390]. Дюбуа разработал оригинальную теорию войны, в основе которой лежали его личный опыт как темнокожего американского ученого и понимание расы и дискриминации по цвету кожи как глобальных исторических и социологических феноменов [ibid.].

Работая в Университете Атланты (США) на позиции профессора социологии, Дюбуа занимался сбором и обнародованием данных для опровержения расистских заблуждений о темнокожих людях, их человеческих качествах и их способности быть полноправными гражданами. Его научная работа постепенно неразделимо переплелась с политическим активизмом. В 1909 г. Дюбуа покинул Атланту, чтобы принять участие в основании Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP) в Нью-Йорке и стать редактором ее журнала *The Crisis* [Williams, 2024, p. 391].

Первую мировую войну Дюбуа назвал «внезапным крахом цивилизации» [цит. по: Williams, 2024, p. 391], до ее начала полагая, что из-за крепких экономических и культурных связей между нациями всеобщая европейская война невозможна. Воспоминания Дюбуа, отмечает Уильямс, показывают его «заокеанскую» наивность, корни которой уходят в веру в европейскую рациональность и цивилизацию Просвещения [ibid.]. Тем не менее его взгляд со стороны позволил проницательно увидеть в войне то, что упускали европейские мыслители. В ноябрьском выпуске *The Crisis* за 1914 г.

он написал статью «Мировая война и цветной барьер»¹, в которой назвал войну «одной из величайших катастроф, вызванных расовыми предрассудками и предрассудками из-за цвета кожи», отметив, что она «предвещает большие катастрофы в будущем» [цит. по: Williams, 2024, p. 391]. Дюбуа утверждал, что причины войны кроются в «дикой жажде имперской экспансии» среди европейских воюющих сторон [цит. по: *ibid.*]. Он развил эту мысль об «африканских корнях войны» в своих последующих публикациях, доказывая, что в основе имперской жадности Европы лежит представление о неполноценности темнокожих народов и непризнание их прав. Конкуренция за эксплуатацию Африки и получение торгово-имперской добычи довела национальные соперничества до такой степени, что разразилась европейская гражданская война, полагал Дюбуа [*ibid.*, p. 392].

Вступление США в войну в 1917 г. стало испытанием для пацифизма Дюбуа, но он принял решение поддержать призыв Вудро Вильсона сделать мир «безопасным для демократии» [Williams, 2024, p. 392]. Дюбуа, используя свой моральный авторитет, призвал сторонников на время войны забыть обиды и сплотиться перед общим врагом. Некоторые активисты после этого обвинили его в отступничестве от борьбы за права темнокожих. Десятилетия спустя он говорил: «Я не верил в войну, но я думал, что в сражении вместе с Америкой против милитаризма и за демократию мы будем бороться за освобождение негроидной расы» [цит. по: *ibid.*].

В октябре 1918 г. на одном из заседаний руководства *NAACP* была озвучена идея организовать и провести полномасштабное исследование участия афроамериканских солдат в Первой мировой войне и выпустить книгу об этом к концу боевых действий. Дюбуа возглавил этот проект и 1 декабря 1918 г. отплыл во Францию для проведения полевых исследований и сбора данных. Он посетил лагерь темнокожих солдат 92-й дивизии в городе Марон, остановившись в доме французской пары, которая потеряла четырех сыновей на войне [Williams, 2024, p. 394]. От солдат-афроамериканцев он услышал множество гнетущих рассказов и сам был свидетелем их дискриминации со стороны офицерского состава. В итоге, по его воспоминаниям, он вернулся из этой поездки «полностью сломленным и потрясенным» [цит. по: *ibid.*, p. 395]. Он «столкнулся с

¹ *Du Bois W.E.B. World war and the color line // The crisis. – 1914. – Vol. 9, N 1. – P. 28–30.*

проблемой того, как примирить свою поддержку войны с ее разрушениями, свидетелем которых он был, и страшными доказательствами, которые он накопил», резюмирует Уильямс [Williams, 2024, p. 395].

Собранные материалы должны были быть опубликованы в книге Дюбуа под рабочим названием «Темнокожий человек и израненный мир» (*"The black man and the wounded world"*). Основная идея книги заключалась в том, чтобы на конкретных эмпирических данных, используя качественные и количественные методы, показать: «война продемонстрировала, что для темнокожих людей даже патриотическая лояльность, гражданский долг и пролитие крови за нацию были недостаточны для преодоления сил превосходства белой расы и расовой ненависти» [Williams, 2024, p. 397–398]. Несмотря на то, что Дюбуа посвятил более двух десятилетий работе над исследованием и написанием рукописи из 21 главы и более 800 страниц, его *magnum opus* об опыте темнокожих в войне остался незавершенным и так и не был опубликован [ibid., p. 399].

Первая мировая война разрушила веру Дюбуа в реформаторскую силу безоговорочного патриотизма и ограниченного национализма как способов улучшить жизнь афроамериканцев. Его расчет на то, что демонстрация лояльности со стороны темнокожих уменьшит расовые предрассудки и поможет в борьбе за гражданские права, оказался трагически неверным. В итоге анализ войны стал для Дюбуа ключом к более жесткой социологической концептуализации расы в 1930-х и 1940-х годах как структурного феномена, укорененного в материальной и физической эксплуатации темнокожих [Williams, 2024, p. 400].

Джордж Герберт Мид (1863–1931) о враждебности людей, наднациональных институтах и международном обществе

В статье Дэниела Р. Хюбнера (Университет Северной Каролины в Гринсборо, США) научное творчество Джорджа Герберта Мида, которого традиционно считают микросоциологическим теоретиком, представлено с точки зрения его вклада в макросоциологический анализ [Huebner, 2024]. В последние годы, отмечает Хюбнер, взгляд на работы Мида стал меняться, отчасти потому что были переоткрыты и переосмыслены его тексты, связанные с Первой мировой войной [ibid., p. 407]. В статье утверждается, что опыт личного переживания войны поспособствовал макросоцио-

логическим дополнениям к мидовским рассуждениям о социальном Я и символах [Huebner, 2024].

Когда 1 августа 1914 г. Германия объявила о начале войны, единственный ребенок семьи Мидов Генри находился в Мюнхене, собираясь поступить там в аспирантуру (сам Дж.Г. Мид в 1888–1891 гг. тоже учился в Германии) и работать по приглашению в должности исполняющего обязанности главы берлинского бюро новостей газеты *Chicago Daily News*. Но война нарушила эти планы. Когда США 6 апреля 1917 г. объявили Германии войну, 24-летний Генри Мид в первые недели мобилизации записался на офицерские курсы, а летом 1918 г. был отправлен во Францию. Самый драматичный личный эпизод военного периода для семьи Мидов произошел осенью 1918 г. [Huebner, 2024, p. 412]. Генри получил боевое ранение, но родители узнали об этом только через три недели после случившегося, поскольку между ними на тот момент отсутствовала регулярная коммуникация. Больше месяца Генри провел в полевом госпитале, восстанавливаясь после ранения и борясь с инфекцией, из-за которой он был прикован к постели. После выздоровления он вернулся в свою часть и остался в Европе.

Дж.Г. Мид во время войны вел активную общественно-просветительскую деятельность. К осени 1917 г. Чикагский университет, в котором он работал, начал заметно меняться: все больше студентов и преподавателей мобилизовывались, а университетские кампусы перепрофилировались в военно-учебные полигоны. По всей стране оказывалось общественное давление на высшее образование, чтобы оно внесло свой вклад в «военную службу» [ibid., p. 411]. Мид участвовал в работе университетского «Комитета по связям с общественностью», где он, например, вел подготовку публикаций, излагающих результаты анализа международного рабочего движения, германского милитаризма и демократических идеалов, которые США должны отстаивать [ibid.]. Он также активно участвовал в работе общественных организаций Чикаго. В 1918 г. Мида пригласили на государственную службу в качестве регионального директора «Курса по военным вопросам» для Студенческого армейского учебного корпуса (SATC). С октября по декабрь 1918 г. он ездил по колледжам Канзаса, Миссури и Колорадо, читал лекции и инспектировал учебные программы обучения будущих специалистов по культуре и истории Европы и причинам войны. Он также обсуждал усилия по продолжению преподавания таких курсов «гражданства» после войны с целью «привить обу-

чающемуся чувство жизни страны и его места в ней» [цит. по: Huebner, 2024, p. 413].

На начальных этапах Первой мировой войны тема войны прямо и косвенно поднималась Мидом в его научных работах. Например, говоря о политических институтах в статье «Естественные права и теория политических институтов»¹, Мид определил их как «социальные механизмы, которые способствуют расширению социальных отношений и взаимно обязывающих социальных контролей за пределы непосредственных контактов» [Huebner, 2024, p. 408]. Таким образом, институты зависят от предсуществования более широких кооперативных социальных процессов, не ограниченных эксплицитными международными законами или социальными границами [ibid.]. При этом без международных институтов не было бы формального социального контроля над противоречиями и враждебностью, которые возникают в таких отношениях [ibid.]. Милитаристские социальные установки, по Миду, оживляли и структурировали отношения, а институты, развившиеся между нациями, предполагали милитаристскую ориентацию по умолчанию. Хьюбнер полагает, что благодаря такой точке зрения Мид мог сначала выступать за то чтобы США не вступали в войну, а затем за то чтобы страна безоговорочно воевала, поскольку так можно быстро положить конец войне и работать над созданием международного общества, которое могло бы разрешать споры через демократические процессы [ibid., p. 409].

Еще одно направление научной работы Мида в период Первой мировой войны было связано с исследованиями по социальной психологии патриотизма или национализма с целью объяснить, как эти солидаризирующие силы дают людям чувство «идентификации», «слияния» или «потери» себя по отношению к другим [Huebner, 2024, p. 409]. Мид называл этот феномен первым «духовным дивидендом» войны. Он утверждал, что то, что со стороны выглядит как «самопожертвование» участников, на самом деле является более полной их «самореализацией» [ibid.].

Хьюбнер отмечает, что к 1917 г. Мид и многие другие его коллеги заняли интеллектуальную позицию, которая принимала

¹ Mead G.H. Natural rights and the theory of the political institution // Journal of philosophy. – 1915. – Vol. 12, N 6. – P. 141–155. См. русский перевод: Мид Дж. Г. Естественные права и теория политических институтов / пер. с англ. В.Г. Николаева // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. 18, вып. 3/4, № 91–92. – С. 26–39.

войну как уже свершившийся факт. Хотя война и противоречила их пацифистско-интернационалистическим принципам, это не означало, что ее можно было отрицать. США, по мнению Мида, столкнулись с дилеммой: либо уступить надежды на международное общество империалистическому контролю германского милитаризма, либо взять на себя ответственность защищать и реконструировать международное общество, исходя из демократических оснований, что могло бы институционализировать способы мирного разрешения конфликтов в будущем [Huebner, 2024, p. 410]. Исходя из этого Мида иногда называют предвестником «теории демократического мира». Он также активно выступал за создание наднациональных институтов, например Лиги наций [ibid.].

В мае 1918 г. Мид признавал, что масштабы и значимость войны привели не только к формированию нового международного порядка, но и к новым установлениям государственной власти, укрепившей обеспечение внутренних «стандартов жизни» (включая заработную плату, жилье, всеобщее избирательное право, контроль над болезнями и т.д.) [Huebner, 2024, p. 412]. Война, полагал он, показала, как сообщество в целом может быть приведено в движение для масштабных и постоянных усилий [ibid.].

В последующем, уже ближе к концу войны, Мид более подробно обосновал свою «военно-антивоенную» позицию. Он был сторонником международного мира и демократии, но тем не менее признавал практические реалии войны и необходимость обеспечить такое ее протекание, чтобы высвобожденные ею силы не разрушили условия мира и демократии [Huebner, 2024, p. 414]. Он также рассматривал вопрос отказа граждан от участия в войне и пришел к выводу, что демократическое государство как выражение воли сообщества имело право призывать граждан к жертвенности и даже отменять обычные ограничения свобод, когда выживание сообщества находилось под угрозой [ibid.]. Хотя при этом не отрицалось, что социализированная совесть индивида может конфликтовать с этими требованиями. В этом смысле воинская обязанность похожа на требование платить налоги, даже если кто-то не согласен с тем, на что они идут [ibid.]. Отсюда следует, что по отношению к войне в демократическом государстве у гражданина есть «право на пропаганду» как ненасильственное сопротивление несправедливым законам или действиям правительства, но не «право на отказ» [ibid.].

Мида также занимал вопрос о природе индивидуальной и коллективной враждебности. Он считал враждебность эволюцион-

ным человеческим импульсом, который встречается во всех формах самоутверждения и даже в таких, казалось бы, просоциальных установках, как родительская забота о детях [Huebner, 2024, p. 414]. Опыт коллективной враждебности, направленной на врага, опасно привлекателен, потому что он активизирует эти глубокие, социальные корни личности; люди, находящиеся под властью таких импульсов, наслаждаются чувствами коллективного самоутверждения [ibid.]. Но война, по Миду, не сводится механически к уровню фиксированного «инстинкта враждебности». Мид настаивал на том, что для понимания войны необходимо исследовать, «как исторически меняющиеся социальные структуры направляют и формируют человеческие импульсы в те формы выражения, которые они принимают в определенное время и в определенных местах» [ibid., p. 415].

Хьюбнер пишет, что итоговый синтез взглядов Мида на войну и международное общество был опубликован только в 1929 г.¹ [Huebner, 2024, p. 416]. Мид опирался на идею своего наставника Уильяма Джеймса о «моральном эквиваленте войны». Джеймс утверждал, что война психологически привлекательна, потому что она вызывает неискоренимые естественные импульсы агрессии и доминирования, которые никак иначе не удовлетворяются в современной социальной жизни. Но, учитывая неприемлемую разрушительность войны, необходимо найти конструктивные альтернативные выходы, которые бы позволили выражать такие импульсы [ibid.]. Решение этой проблемы у Джеймса заключалось в создании национальной программы всеобщей обязательной службы, но Мид с этим не согласился, поскольку, как он считал, это способ «произвести» и установить «культ» порядка, вместо того чтобы концептуализировать то, как ценности и мотивы общества могли бы через органическое развитие функционально реструктурироваться изнутри, чтобы люди перестали рассматривать войну как вариант [ibid.].

Согласно Миду, существуют две основы для переживания социального единства: национальное «чувство», берущее начало в общности импульсов, над которыми индивиды не имеют прямого контроля; и «национальное сознание», возникающее из функциональных взаимосвязей, через которые люди могут осознавать себя, принимая роли других [Huebner, 2024, p. 416]. Отсюда следует, что

¹ Mead G.H. National-mindedness and international-mindedness // International journal of ethics. – 1929. – Vol. 39, N 4. – P. 385–407.

люди могут экспериментировать с социальными условиями, которые способствуют функциональной коррективке международных противоречий и, таким образом, создавать интернализованное социальное сознание себя как части международного сообщества взаимных отношений [Huebner, 2024, p. 417].

Торстейн Веблен (1857–1929) об экономических аспектах войны и мира

Чарльз Камик (Северо-Западный университет, США) в своей статье показал эволюцию взглядов Торстейна Веблена на проблемы мира и войны [Samic, 2024]. На момент вступления США в Первую мировую войну в 1917 г. Веблену было 60 лет, а в таком возрасте многие ученые либо публикуются все меньше, либо только уточняют в работах свои прежние выводы и аргументы. Но с Вебленом было по-другому. После начала войны в течение нескольких лет он опубликовал много новых текстов, в которых подробно исследовались вопросы войны и мира и пересматривались его предыдущие теоретические взгляды. Важно и то, что из-за войны Веблен обратился к решению практических задач социальной политики, хотя ранее он решительно настаивал на том, что эта область находится за пределами компетенций социологов.

Основная часть научного творчества Веблена связана с формулированием принципов эволюционной и институциональной экономики и критикой классической и маржиналистской экономики. В частности, он критиковал маржиналистскую теорию распределения, которая, как он считал, ошибочно видела в богатстве награду за продуктивный человеческий труд, а не расточительное поведение паразитических элит. Согласно его «теории праздного класса», богатые люди не усиленно трудятся, а, наоборот, предаются социально непродуктивным практикам потребления [Samic, 2024, p. 423]. Продолжая развивать эти идеи, в своей книге «Теория делового предприятия»¹ он предложил фундаментальное различие продуктивной «промышленной» деятельности, выполняемой большинством людей на благо «сообщества в целом», и непродуктивной «финансовой» деятельности, практикуемой немногочисленной элитой владельцев частной собственности [ibid.].

¹ *Veblen T. The theory of business enterprise.* – New York: Scribner's, 1904. – 408 p. См. русский перевод: *Веблен Т. Теория делового предприятия* / пер. с англ. М.Я. Каждана. – Москва: Дело, 2007. – 288 с.

Это различие использовалось в актуальных для того времени дебатах о государственном регулировании, тарифах, налогообложении, но Веблен от них дистанцировался, считая, что цель социальных наук, как и естественных наук, – «стремление к знанию ради самого бездействующего знания» [цит. по: Camic, 2024, p. 423]. Веблен выступал за бескорыстный и ценностно-нейтральный научный поиск знаний об эмпирических фактах и каузальных теориях, которые порождаются этими фактами. Хотя такие знания могут иметь практическое значение и последствия для политики, работа в «практической плоскости» не является прерогативой ученого, и она не должна быть движущей силой его исследования [ibid., p. 424].

В начале войны Веблен занимал, скорее, пацифистскую позицию, но по мере усиления конфликта он стал резко критиковать официальную политику нейтралитета президента Вудро Вильсона, открыто призвал США вступить в войну и осудил милитаристские тенденции «Имперской Германии» [Camic, 2024, p. 424–425]. Исследуя причины войны, он поставил вопрос о сравнении двух стран: почему Англия была первой европейской страной, которая индустриализировалась, тогда как Германия была отстающей с ее промышленной системой? [ibid., p. 425]. Довоенный ответ Веблена-институционалиста, как можно предположить, был бы основан на выявлении совокупности институциональных различий между двумя нациями. Но теперь Веблен делает следующий шаг, указывая на фундаментальную роль политических и культурных институтов. Хотя при этом он по-разному отвечает на вопрос о том, какие именно факторы – экономические, политические или культурные – имеют большее историческое влияние [ibid., p. 425].

Камик показывает, что внимание Веблена, когда он рассматривает позднее развитие немецкой индустриализации, чаще всего обращено на роль политических факторов, особенно на многовековую «воинственную злобу» прусских князей, а также чиновников в бюрократии имперского государства; их постоянные, истощающие ресурсы усилия по созданию и сохранению правящей династии; их стремление к достижению всеми средствами амбиций по «господству» на территории, несмотря на то что эти действия значительно препятствовали развитию технологий и промышленному росту [Camic, 2024, p. 425–426]. Веблен противопоставляет негативное экономическое воздействие «воинственной государственности» Пруссии с ее духом долга и повиновения государственным властям позитивному воздействию более мирных, демократи-

чески организованных политических институтов Англии с ее ценностями народной автономии и частной инициативы [Camie, 2024, p. 426].

Из этих выводов рождается вебленовская сравнительно-историческая теория войны и мира. Веблен полагает, что династические государства с их имперскими интересами и варварским «хищническим происхождением» были по своей сути «воинственными образованиями» [Camie, 2024, p. 426]. Чтобы сохранять свои режимы, правителям нужна была более широкая и прочная база поддержки от своих подданных, основанная как на материальных интересах, так и на «духовной основе моральных настроений» [ibid.]. Но в XVII в. «моральная санкция сообщества», выражавшаяся в династической лояльности, национальной чести и патриотизме, стала трансформироваться. Сообщества стали скрепляться, скорее, на основе взаимных интересов, а не по воле начальника или правителя. Иными словами, произошел культурный сдвиг от устаревшего династического государства к демократически устроенным правительствам [ibid., p. 426–427]. Германии при этом не хватало «культурной зрелости», однако Веблен допустил, что немецкое государство может догнать своих соседей в культурном отношении. Тем не менее перспективы мира для него оставались неопределенными, поскольку с ростом науки и технологий многие европейские нации скапливали мощные вооружения и продолжали быть связанными с дестабилизирующими экономическими силами, особенно с хищническими действиями бизнес-элит и других собственников на национальном и международном уровнях [ibid., p. 427].

Война поменяла отношение Веблена к участию ученых в разработке практических рекомендаций для решения социальных проблем. Он, в частности, принял участие в работе нью-йоркского «Хаус-исследования» (House Inquiry) – неправительственной организации, задуманной президентом Вильсоном и его советником, полковником Эдвардом Хаусом. Организация состояла из консорциума академических социальных ученых и публичных интеллектуалов, которым было поручено собирать информацию, готовить предложения и разрабатывать способы построения и поддержания международного мира, когда наступит послевоенная эпоха [Camie, 2024, p. 426]. Веблен в рамках подготовки экспертно-аналитических материалов для этой организации выступал за создание в будущем демократической федерации США, европейских государств и других народов. Веблен также с 1918 г. занимал должность

«специального следователя» в Статистическом отделе Управления по продовольствию США, где в круг его задач входила разработка мер по решению проблемы нехватки рабочей силы в американском сельскохозяйственном секторе в военное и послевоенное время [Camic, 2024, p. 429]. Веблен, в частности, предлагал перенаправить рабочую силу, которая была занята у торговцев в продажах, маркетинге, банковской сфере, недвижимости и т.п., на фермы в зерновые штаты [ibid., p. 430].

В целях послевоенной реконструкции Веблен также призывал к ограничению власти корыстных интересов «паразитических элит» через передачу полномочий «в руки централизованного контроля» со стороны инженеров, которые могли бы управлять промышленностью «как предприятием общественного пользования» [Camic, 2024, p. 433].

Роберт Эзра Парк (1864–1944): «Что могут сделать социологи для решения проблем нынешней военной ситуации?»

Питер Кивисто (Колледж Аугустана, США) считает, что отношение Роберта Парка к Первой мировой войне можно понять, если рассмотреть пять его статей, написанных как до начала этой войны, так и почти в конце его жизни [Kivisto, 2024]. Обращаясь к временному интервалу с 1900 по 1943 г., П. Кивисто отмечает, что хотя в совокупности эти статьи не составляют исчерпывающего описания войны, надо иметь в виду, что Парк планировал подытожить «проблему войны и мира» в книге в соавторстве со своим сыном Эдвардом [ibid., p. 437–438]. Однако такая книга так и не была подготовлена.

Первая работа Парка на военную тему была написана им за 14 лет до начала Первой мировой войны. В 1900 г., обучаясь в аспирантуре в Германии, он опубликовал журналистскую статью «Немецкая армия: самая совершенная военная организация в мире»¹. В его повествовании заслуга создания «самой эффективной боевой машины из существующих» в тот период принадлежала начальнику штаба генералу фон Мольтке, который считался талантливым и изобретательным тактиком на поле боя, хорошо понимавшим важность технологических достижений для современной войны [Kivisto, 2024, p. 439]. И речь шла не только об оружии

¹ *Park R.E.* The German army: the most perfect military organization in the world // *Munsey's magazine*. – 1900. – Vol. 24, N 3. – P. 376–395.

и военной технике, но и о современных коммуникациях и транспортной инфраструктуре. Новые технологии были также важны для формирования общественного мнения во время войны, которая требовала проведения пропагандистских кампаний, направленных на мобилизацию граждан в поддержку боевых действий [Kivisto, 2024, p. 439].

Парк писал о том, что фон Мольтке обосновал оборонительный характер необходимости сильной армии: географическое положение Германии между великими державами и отсутствие «запасного выхода» означали, что вечная боевая готовность была неизбежностью, а не выбором [Kivisto, 2024, p. 440]. Фон Мольтке также считал, что действия Германии не должны были быть ограничены международными нормами, и что война должна вестись не только на поле боя, но и нацеливаться на все средства и ресурсы, которыми обладает враг (финансы, железные дороги, продовольственное снабжение и даже его престиж) [ibid.]. Для фон Мольтке «Вечный мир – это всего лишь мечта <...> Без войны мир впал бы в упадок и потерялся бы в материализме» [цит. по: ibid.]. Вероятно, в этих взглядах фон Мольтке Парк предвидел возникновение в будущем «тотальных войн».

Следующий текст Парка на военную тему был написан уже в разгар Первой мировой войны (это была его единственная работа о войне, опубликованная во время той войны). Редактор *American Journal of Sociology* Альбион Смолл разослал письма 100 социологам, попросив их написать эссе объемом 300–500 слов с ответом на вопрос: «Что могут сделать социологи для решения проблем нынешней военной ситуации?» [Kivisto, 2024, p. 440]. Парк, отвечая на поставленный вопрос, оказался среди тех, говорил о роли социологии, которую она могла бы сыграть, продвигая полезные исследовательские повестки [ibid.].

Свой ответ, озаглавленный как «Социальные науки и война»¹, Парк начал с утверждения о том, что «социальные науки не выйдут нетронутыми из мировой войны» [цит. по: Kivisto, 2024, p. 440], и предположил, что существующее разделение социальных наук будет трансформироваться. Парк писал, что война ускорила процесс переопределения роли государства, и что «с появлением промышленного государства, организованного политически и экономически для международной конкуренции и международной

¹ Park R. The social sciences and the war // *American journal of sociology*. – 1917. – Vol. 23, N 1. – P. 64–66.

войны, сцена меняется» [цит. по: *ibid.*, p. 441]. Следовательно, социальные проблемы должны восприниматься в коллективных, а не в индивидуалистических категориях, и все более ошибочным становится разделять проблемы на экономические, политические или социальные. Скорее, социальные проблемы фундаментально переплетены друг с другом, считал Парк, а социология как развивающаяся наука об обществе способна понять «исторические силы, действующие в нас и через нас» [цит. по: *ibid.*]. В текущей военной ситуации Парк предложил социологам взять на себя задачу выявления актуальных проблем, которые породил нынешний кризис, утверждая, что «административные изменения, сделанные в условиях войны, можно рассматривать как полезные эксперименты» [цит. по: *ibid.*].

Следующая рассматриваемая в статье Кивисто работа, «Иммигрантская пресса и ее контроль»¹, является примером представления Парка о том, на что нацелено социологическое исследование, направленное на решение актуальных социальных проблем. Парка заинтересовала роль иммигрантских газет во время войны в условиях, когда стали подниматься вопросы о потенциальной двойной лояльности, влиянии враждующих государств на иммигрантскую прессу и действиях, предпринимаемых правительством США в ответ [Kivisto, 2024, p. 441]. Парк с пониманием относился к желанию иммигрантов оставаться привязанными к своим культурным корням и видел в газетах одно из средств сохранения их наследия. Но война усложнила роль коммуникативных институтов, которые теперь могли использоваться в качестве «источников разногласий и волнений» и потенциально могли «изменить характер войн» [цит. по: *ibid.*]. В США пропагандистская кампания, запущенная Германией, была направлена на две аудитории: немецких американцев и широкую американскую общественность. До вступления США в войну, как показал Парк, цели немецкой пропагандистской кампании включали подогрев нежелания отправлять вооружение союзникам, поощрение пацифизма и американского изоляционизма, а также убеждение общественного мнения в пользу «немецкой точки зрения» [*ibid.*, p. 442]. Только ближе к концу войны правительство США предприняло шаги по контролю над иммигрантской прессой.

¹ Park R. The immigrant press and its control. – New York: Harper & brothers, 1922. – 488 p.

Две свои последние статьи о войне Парк написал во время Второй мировой войны. В статье «Социальная функция войны»¹ он называет войну «нашей социальной проблемой № 1» [цит. по: Kivisto, 2024, p. 443], которую так и не удалось решить. Война описывается им как политический институт в процессе, т.е. институт с неопределенной функцией и структурой, не закрепленной в обычаях и традициях; или, по-другому, – как политика в ее первоначальной, неинституциональной и нерациональной форме. Парк выделил три функции войны: расширение территории, на которой можно поддерживать мир; создание нового порядка на этой территории; установление идеологии, которая рационализирует и обосновывает принятие этого порядка. Он также обратил внимание на то, что Вторая мировая война, в отличие от Первой мировой, была «идеологической войной – войной за установление нового порядка» [цит. по: *ibid.*].

В статье «Расовые идеологии»² Парк изучил связь между расовыми идеологиями и войной, что можно сопоставить с исследовательскими интересами Дюбуа. Парк задался вопросом, смогут ли США достичь национальной солидарности при том, что история США – это история демократии господствующего народа. В идеале демократический социальный порядок должен выстроиться вокруг идеи о том, что люди друг другу – не хозяева и слуги, а братья, живущие в условиях добрососедской близости и взаимного понимания. Но Парк пессимистично заключил, что в США пока «слишком много расового сознания», чтобы это произошло в обозримом будущем [Kivisto, 2024, p. 443].

Марсель Мосс (1872–1950): продолжение научной работы после глубокой личной травмы

Марсель Фурнье (Университет Монреаля, Канада) полагает, что Первая мировая война стала глубоко травматичным событием и поворотным моментом в жизни и научной работе Марселя Мосса [Fournier, 2024]. Хотя Мосс сохранил преемственность с ранними работами (например постоянным оставался его интерес к кол-

¹ *Park R.* The social function of war: observations and notes // *American journal of sociology.* – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 551–570. См. русский перевод: *Парк Р.* Социальная функция войны: наблюдения и заметки / пер. с англ. С.П. Баньковской // *Социологическое обозрение.* – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 233–251.

² *Park R.E.* Racial ideologies // *American society in wartime* / ed. by W.F. Ogburn. – Chicago (IL): University of Chicago press, 1943. – P. 165–184.

лективным представлениям), опыт войны привел к расширению и перенаправлению некоторых тем его исследований. Мосс, в частности, начал активно изучать такие темы, как воинствующий национализм и международный социализм.

Фурнье отмечает, что до начала Первой мировой войны Мосс был пацифистом и интернационалистом [Fournier, 2024, p. 447]. В июне 1913 г., размышляя о франко-германском конфликте, он писал, что опасность войны не была предотвращена, и что Европа все еще находится в ситуации военного кризиса. Он сравнил конфликтующие нации с некоторыми примитивными племенами, в которых кланы постоянно бросали друг другу вызов и обменивались оскорблениями [ibid.]. Мосс признавал, что отношения между Францией и Германией были непростыми, но не соглашался с тем, что немцы и французы обречены на «вечный конфликт» [ibid., p. 448].

Когда началась Первая мировая война, французские социалисты отказались от своей пацифистской позиции и откликнулись на призыв отправиться на войну. 3 сентября 1914 г. Мосс записался добровольцем на военную службу и был прикреплен в качестве переводчика к Двадцать седьмой британской дивизии. На войне он начал писать книгу под названием «О политике». По задумке Мосса, в книге рассматривались бы следующие темы: 1) цивилизация (распространение торговли, технологий, религии, языка и т.д.); 2) морфологические явления (миграция, колонии, пути сообщения); 3) социальные явления (войны, колонизация и т.д.) [Fournier, 2024, p. 449]. Но книга так и не была им закончена.

Сильное потрясение Мосс испытал после смерти двоюродного брата Андре Дюркгейма 18 декабря 1915 г. В последующем Мосс сильно беспокоился за здоровье своего дяди – Эмиля Дюркгейма, после смерти которого в 1917 г. именно ему пришлось взять на себя решение многих задач для продолжения существования дюркгеймианской школы. В июне 1916 г. Мосс был переведен в Пятую австралийскую дивизию, которая на фронте понесла значительные потери в ходе продолжительных боев. Некоторые наблюдения за австралийскими солдатами Мосс затем использовал в своей известной работе 1936 г. «Техники тела»¹, в которой он ввел понятие «habitus».

¹ См.: Mauss M. Les techniques du corps // Sociologie et Anthropologie / ed. by M. Mauss. – 3 rd ed. – Paris: PUF, 1966. – P. 365–389. Русский перевод: Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной ан-

Проекты, которые Мосс разрабатывал в начале 1920-х годов, были интеллектуально и политически переплетены. Он задумал провести крупное исследование нации, основанное на рукописи книги, которую он начинал писать как солдат в 1915 г. В 1920 г. он представил ее первые фрагменты в докладе под названием «Проблема национальности» [Fournier, 2024, p. 451].

Мосс одобрил положения о репарациях и отмене долгов, которые французские солидаристы внесли в Версальский договор. Но Мосс также осознал, что юридическое оформление этой идеи само по себе не может восстановить чувство солидарности среди европейских народов. Для этого были необходимы более широкие системы политического союза и антропологические нормы дарения [Fournier, 2024, p. 451–452]. Мосс также внимательно относился к отношениям французской метрополии с колониями, настаивая на необходимости фундаментальной открытости обществ, пористости социальных границ и циркуляции товаров и идей как обмена [ibid., p. 452].

В 1930-е годы, как опытный активист и бывший солдат, Мосс снова стал сильно беспокоиться о будущем Европы. По его словам, существовал риск, что ситуация станет трагической. В эти годы он столкнулся со многими проблемами: осложнениями со здоровьем, тяжелой педагогической и административной работой, расколом внутри Французской секции Рабочего интернационала (SFIO) и ростом фашизма [Fournier, 2024, p. 453]. Мосс увидел в фашизме «возвращение к примитиву», и эта «регрессия» была «одной из горестей его жизни» [цит. по: ibid.].

Альфред Шюц (1899–1959): война, «чужак» и «возвращающийся домой»

Симон Лафонтен (Технический университет Берлина; Констанцский университет, Германия) так же, как и некоторые другие авторы статей спецвыпуска, полагает, что травмирующие переживания Альфреда Шюца в Первой мировой войне, где он служил лейтенантом, оказали глубокое влияние на его интеллектуальные и политические взгляды, особенно на его идеи о «чужаке», «возвращающемся домой» и здравом смысле [Lafontaine, 2024].

Альфреду Шюцу было 17 лет, когда в 1917 г. он поступил на службу в австрийскую армию в качестве фенриха (лейтенанта). По воспоминаниям его жены Ильзе, Альфред в подростковом возрасте задумывался о самоубийстве из-за личностного кризиса, поэтому на войну он пошел не столько из-за чувства национальной гордости или поиска приключений (он вообще мог быть освобожден от службы из-за хронического воспаления уха), сколько из-за решимости умереть [Lafontaine, 2024, p. 458]. Во время службы Шюц участвовал в одних из самых ожесточенных артиллерийских боев и обстрелов Первой мировой войны, которые прошли в июне 1918 г. [ibid.]. Он пробыл на фронте десять месяцев, и об этом у него остались самые ужасные воспоминания. Лафонтен предлагает перечтение поздних работ Шюца с учетом наличия в них отпечатков этих событий, которые явно или неявно проявились в творчестве социолога.

Разбирая понятие «чужак», Лафонтен отмечает, что Шюц исследует критические ситуации и роковые события жизненного пути, особенно миграцию и возвращение домой, в которых чуждость (foreignness) вторгается в сферу личностного бытия (selfhood) [Lafontaine, 2024, p. 459–460]. Трудность всегда заключается в том, что у Я есть привилегированный доступ к собственным переживаниям, в то время как субъективное чувство другого опосредовано знаками, метками и символами, интерпретация которых основана на собственном запасе знаний и системе соотнесения (relevance) каждого [ibid., p. 460]. Согласно Шюцу, Я должно предполагать, что его намерения, мотивы и действия согласуются с намерениями, мотивами и действиями другого, по крайней мере, в обозримом будущем, даже несмотря на то, что они «всегда будут носить характер правдоподобия, т.е. субъективной вероятности» [цит. по: ibid.].

В эссе «Чужак»¹ Шюц подробно описывает проблему «встраивания» и последующего отчуждения от собственного Я, когда при столкновении различных культурных образцов возникают конфликты [Lafontaine, 2024, p. 460]. Лафонтен полагает, что хотя основные примеры в этом эссе взяты из опыта мигрантов

¹ Schuetz A. The stranger: an essay in social psychology // American journal of sociology. – 1944. – Vol. 49, N 6. – P. 499–507. См. русский перевод: Шюц А. Чужак: социально-психологический очерк / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 1998. – № 3. – С. 177–193.

(в том числе из личного опыта вынужденной эмиграции Шюца из Австрии в США после аншлюса в 1937 г.), в повествовании автора также отражается его отбытие из дома на фронт во время Первой мировой войны. В армии Шюц столкнулся со «странной амбивалентностью» жизни между дисциплинированным принуждением своих товарищей-солдат (ингруппы) и безудержным хаосом или бесчинствами, которые они должны были обрушить на врага (аутгруппу) [ibid.]. Вступление в неизвестную группу подразумевает процесс самоотчуждения, в результате которого личность становится для себя чужой среди тех, кто являются чужими для нее. Присвоение культуры и истории группы, с которой происходит сближение, становится вызовом для понимания Я и другого, что часто приводит к дезориентации и беспокойству [ibid.].

Далее Лафонтен переходит к эссе Шюца «Возвращающийся домой»¹, которое, как он считает, более явно, но все еще аллегорично, опирается на его опыт участия в Первой мировой войне, в частности на его чувство отчуждения по возвращении в Вену после службы в армии [Lafontaine, 2024, p. 462]. Дом представлен в этом эссе и как отправная точка, и как пункт назначения на собственном жизненном пути и в отношениях. В конечном счете дом относится к чувству убежища, легкости и благополучия, которое продолжаешь испытывать за пределами решений, отмененных не по своей воле, и переориентированных жизненных проектов [ibid., p. 462–463]. Вернувшись домой с фронта, Шюц столкнулся с молчанием окружающих и испытал ощущение предательства из-за того, что ему пришлось пережить [ibid., p. 463]. В своем эссе Шюц показывает, как возвращающийся домой солдат сбивается с толку из-за того, что его уникальный опыт войны «псевдотипизируется», и те, кто дома, преподносят ему «псевдорелевантность», из-за чего он оказывается укорененным в своем одиночестве [ibid., p. 464]. В итоге возвращающийся солдат может примириться с членами домашней группы, придерживаясь своей социальной роли ветерана с ее символами и ритуалами престижа как защитника родины,

¹ Schuetz A. The homecomer // American journal of sociology. – 1945. – Vol. 50, N 5. – P. 369–376. См. русский перевод: Шюц А. Возвращающийся домой // Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 207–221.

но он, в отличие от них, не может «освоить» их культурный образец и свободно участвовать в их обычном образе жизни [ibid.].

Лафонтен полагает, что цель Шюца состояла в том, чтобы обобщить свой собственный субъективный опыт и отчеты о жизни на фронте и проблемах ветеранов [Lafontaine, 2024, p. 466]. В целом эссе «Чужак» и «Возвращающийся домой» подчеркивают современный кризис социального и пространственного перемещения и опасность того, что перемещенные люди останутся в состоянии смещения и отчужденности друг от друга. Эти исследования, отмечает Лафонтен, служат примером обеспокоенности Шюца тем, что XX век ставит новые вызовы перед этической компетентностью и интегративными способностями здравого смысла [ibid., p. 458].

Критическое инакомыслие Антонио Грамши (1891–1937) и путь к революционному социализму через непреклонность

Завершает спецвыпуск статья Бабака Амини об Антонио Грамши. Автор утверждает, что журналистские работы Грамши, написанные в период Первой мировой войны, остаются менее изученными по сравнению с его более поздними «Тюремными тетрадами»¹, хотя именно войну можно считать точкой отсчета для его интеллектуального и политического пути [Amini, 2024]. Чтобы исправить этот недостаток, Амини описывает некоторые из центральных тем, которые Грамши исследовал в этот период. Амини полагает, что критическая социальная теория Грамши демонстрирует совершенно иную часть спектра интеллектуальной реакции на войну, чем та, которая представлена у видных консервативных и либеральных социальных теоретиков, особенно у классических социологов, которые защищали свою сторону в войне с националистических или даже расистских позиций [Amini, 2024, p. 472].

Грамши официально вступил в Итальянскую социалистическую партию (PSI) в 1913 г. С началом войны большинство членов партии выступили резко против войны и объявили нейтралитет своей официальной позицией, однако вскоре вокруг этого решения возникли бурные дебаты. Грамши поставил под сомнение позицию абсолютного нейтралитета, поскольку его беспокоило, что такая позиция может быть приемлемой на начальных этапах, но она по-

¹ См.: *Gramsci A. Letters from prison.* – London: Quartet books, 1979. – 302 p. Русский перевод: *Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая.* – Москва: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с.

зволит итальянским либералам как правящему классу скрывать от социалистов свою неспособность мобилизовать страну для войны [Amini, 2024, p. 473–474]. По мнению Грамши, война могла бы «вернуть классовую борьбу в центр жизни нации», заставив буржуазию действовать и тем самым продемонстрировать свое бессилие в достижении своих целей [ibid., p. 474].

После первой реакции Грамши на военные действия затем около года он предпочел хранить молчание на эту тему и вновь вернулся к публицистической работе только тогда, когда Италия вступила в войну. С этого момента и до перемирия он опубликовал 965 текстов, к числу которых относятся не только социально-политические статьи, но и большое количество литературных, театральных и музыкальных рецензий [Amini, 2024, p. 474].

Называя либеральную демократию высшей степенью прогресса, достижимую при капитализме, Грамши видел неизбежность войн при таком режиме. Поэтому роль революционных социалистов, способствующих предотвращению капиталистических войн, заключалась, во-первых, в том, чтобы «все больше и больше укреплять свое движение для замены буржуазии, тем самым делая любую войну невозможной», а во-вторых, «предотвращать конкретные войны, срывая все уловки, разрушая заговоры паникеров, наемников военной промышленности...» [цит. по: Amini, 2024, p. 474–475]. В целом Грамши энергично критиковал итальянских либералов с политической, стратегической, исторической, моральной, культурной, эстетической и идеологической точек зрения как обладателей политической и экономической властью над страной и главных бенефициаров войны [цит. по: ibid., p. 476].

Далее Амини отмечает, что Грамши увидел в политике Вудро Вильсона и проекте Лиги Наций необходимые предпосылки для того чтобы мировой капитализм наилучшим образом адаптировался к требованиям современного производства и обмена [Amini, 2024, p. 476]. Он подметил движение США к статусу нового гегемона, назвав эту страну «возможно, величайшей силой в современной мировой истории, после России»; Вильсона и Ленина он называл «двумя политическими гениями, которых война выдвинула на передний план» [цит. по: ibid.]. При этом он исходил из того, что война создала условия, которые призвали либералов к ответу и могли выявить их недостатки, а социалисты в сложившихся условиях могли перехватить инициативу [ibid., p. 477]. Уже в первых военных работах Грамши революционный социализм изображался им как гармоничный новый порядок, при котором возможно орга-

ническое единство между дисциплиной и свободой, между организацией и автономией [Amini, 2024, p. 477].

Уникальность инакомыслия Грамши Амини связывает с используемым им понятием непреклонности (intransigence) [ibid., p. 480]. Непреклонность для Грамши была не просто лозунгом или политической стратегией, это «демократическая необходимость», «единственный способ бытия классовой борьбы», «причина жизни и развития Социалистической партии» и способ культивирования «инерции мультитуда» [цит. по: ibid.]. В этом смысле, добавляет Амини, она представляет собой политическую онтологию, «необходимый и достаточный способ самоорганизации и самораскрытия реальности, используемый для того, чтобы диалектически необходимая история утвердила себя» [цит. по: ibid.].

Таким образом, хотя война не была центральной темой в творчестве Грамши, именно события военных лет подсветили для него базовую динамику капитализма и его конкретные проявления в Италии. Война, как это увидел Грамши, усилила влияние, которое коллективная воля рабочего класса может оказывать на ход истории, и прояснила моральную основу духовного обновления на пути к новому социальному порядку [Amini, 2024, p. 481].

Заключение

Война, несмотря на сопутствующие ей ужасы, потрясения и продолжающиеся попытки ограничить и предотвратить ее, остается одной из неизменных составляющих социальной жизни в разные эпохи. Понимание феномена войны – актуальная исследовательская задача, вклад в решение которой вносит интеллектуальное наследие классиков социологической мысли. Спектр идейных позиций социальных теоретиков по отношению к войне, представленный в специальном выпуске *Journal of Classical Sociology*, позволяет увидеть и глубже понять разные стороны международных конфликтов. Первая мировая война, которую они пережили, была не просто фоном для их академической деятельности, но и импульсом, стимулировавшим пересмотреть и / или дополнить их способы описания социального мира. Важно и то, что социальные теоретики в условиях войны задумывались об устройстве будущего послевоенного мира, а это показывает, что проблему войны всегда необходимо рассматривать в одной связке с проблемой мира.

Список литературы

Amini B. Gramsci's dissidence beneath and beyond the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 471–486. – DOI: 10.1177/1468795X241280953

Amini B., Kemple T. Introduction: social theorists and the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 307–315. – DOI: 10.1177/1468795X241288092

Bond N. Tönnies on the tension between community and society during the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 375–388. – DOI: 10.1177/1468795X241281832

Bruhns H. Weber as an engaged intellectual and a social scientist in the war // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 347–361. – DOI: 10.1177/1468795X241278511

Camie C. Veblen's quadripartite response to the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 421–436. – DOI: 10.1177/1468795X241279251

Fournier M. Mauss on the First World War as trauma and turning point // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 446–456. – DOI: 10.1177/1468795X241282813

Harrington A. Simmel on the war for national spirit and cosmopolitan culture // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 316–329. – DOI: 10.1177/1468795X241278514

Huebner D.R. Mead on international mindedness and the war to end war // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 406–420. – DOI: 10.1177/1468795X241278604

Kivisto P. Park on the social sciences and the consequences of war // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 437–445. – DOI: 10.1177/1468795X241281831

Lafontaine S. Schütz on self-alienation and homecoming in a warring world // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 457–470. – DOI: 10.1177/1468795X241279032

Lenger F. Sombart's war against the cultural decay of a capitalist world // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 362–374. – DOI: 10.1177/1468795X241280133

Marcel J.-C., Kemple T. Durkheim's war for civilization // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 330–346. – DOI: 10.1177/1468795X241280708

Williams C. Du Bois and the wounds of the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 389–405. – DOI: 10.1177/1468795X241278606

References

Amini B. Gramsci's dissidence beneath and beyond the First World War. *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 471–486. – DOI: 10.1177/1468795X241280953

Amini B., Kemple T. Introduction: social theorists and the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 307–315. – DOI: 10.1177/1468795X241288092

Bond N. Tönnies on the tension between community and society during the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 375–388. – DOI: 10.1177/1468795X241281832

Bruhns H. Weber as an engaged intellectual and a social scientist in the war. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 347–361. – DOI: 10.1177/1468795X241278511

Camic C. Veblen's quadripartite response to the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 421–436. – DOI: 10.1177/1468795X241279251

Fournier M. Mauss on the First World War as trauma and turning point. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 446–456. – DOI: 10.1177/1468795X241282813

Harrington A. Simmel on the war for national spirit and cosmopolitan culture. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 316–329. – DOI: 10.1177/1468795X241278514

Huebner D.R. Mead on international mindedness and the war to end war. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 406–420. – DOI: 10.1177/1468795X241278604

Kivisto P. Park on the social sciences and the consequences of war. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 437–445. – DOI: 10.1177/1468795X241281831

Lafontaine S. Schütz on self-alienation and homecoming in a warring world. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 457–470. – DOI: 10.1177/1468795X241279032

Lenger F. Sombart's war against the cultural decay of a capitalist world. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 362–374. – DOI: 10.1177/1468795X241280133

Marcel J.-C., Kemple T. Durkheim's war for civilization. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 330–346. – DOI: 10.1177/1468795X241280708

Williams C. Du Bois and the wounds of the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 389–405. – DOI: 10.1177/1468795X241278606